

30 Jan
Говорухин Сергей

— Сергей, значит, вы не согласны, что вся ваша жизнь связана с армией и войной?

— Да нет, это неправильно. Просто у меня такой имидж. Я снял всего лишь одну картину про войну и не ставлю себе задачу снимать следующую. Но меня непременно связывают с армией, хотя я и армия — диаметрально противоположные понятия. Мне в нашей армии ничего не нравится.

— Но ведь когда-то вы рвались служить.

— Это был юношеский порыв, к тому же мне показалось неловким сидеть на шее у родителей, и я пошел работать: сторожем, грузчиком, электрофотографом (это раньше ксерокопирование так называлось). А потом в армию. В то время, когда я рос, было принято быть сопричастным общему делу, и, если шла война в Афганистане, многие из нас писали рапорты с просьбой отправить на службу в Афганистан.

— Я-то больше сталкивалась с теми, кто всеми способами пытался этого избежать. Вы, наверное, получили очень правильное патриотическое воспитание?

— Не помню, кто это сказал: «Патриотизм — последнее прибежище негодяев». Не люблю я это слово. Просто эпоха была такая. Мы выросли на теме Великой Отечественной. С огромным пиететом относились к тем, кто воевал. И, несмотря на существенную разницу в возрасте, легко находили с ними общий язык. Каждый из нас сожалел, что опоздал родиться и не принимал участия в той войне. Я помню, мы с приятелем в 5-м классе собирали гуманитарную помощь, состоящую из карандашей, пеналов и консервов, и собирались бежать во Вьетнам. Когда случился Афганистан, толком мы про него, конечно, ничего не знали. Знали, что там идет война, стоят наши войска. Почему бы и нам не быть там? Но Родина не оценила наших благородных порывов, предполагая, наверное, что мы таким образом пытаемся покинуть Отечество.

— Свой первый фильм вы отправились снимать на таджикско-афганскую границу. Хотя для документалиста и других тем вокруг множество.

— Я заочно окончил сценарный факультет ВГИКа (отделение игрового кино), и по тем временам это не сулило мне никаких перспектив. И я не знал, когда я смогу прийти в кино и смогу ли вообще. У меня была своя ремонтно-строительная фирма, которая приносила кое-какие деньги. Я писал повести и рассказы. И вот однажды в 94-м году на моем горизонте появились люди с материалами об афганской войне. С такими материалами, которые не были в эфире и не могли быть по тем временам. Этот материал задел меня. И мы собирались ехать туда. Но потом начались активные боевые действия в Таджикистане, что было следствием Афганской войны. Мы купили камеру и отправились в Таджикистан... Вы знаете, я всю жизнь пытаюсь по капле выдавить из себя раба, и эти экстремальные ситуации мне жизненно необходимы. Нигде и никогда я не чувствовал себя так комфортно, как на войне.

— Вы начали с того, что вы и армия не совместимы...

— Я и армия не совместимы. Я и война совместимы вполне. А армейский идиотизм меня выводит из себя, прежде всего из-за того, какое количество жизней кладется напрасно, из-за безразличия, скотского отношения к человеческой судьбе. Поэтому я не воспринимаю армию сегодняшнего дня и, когда служил, не воспринимал также.

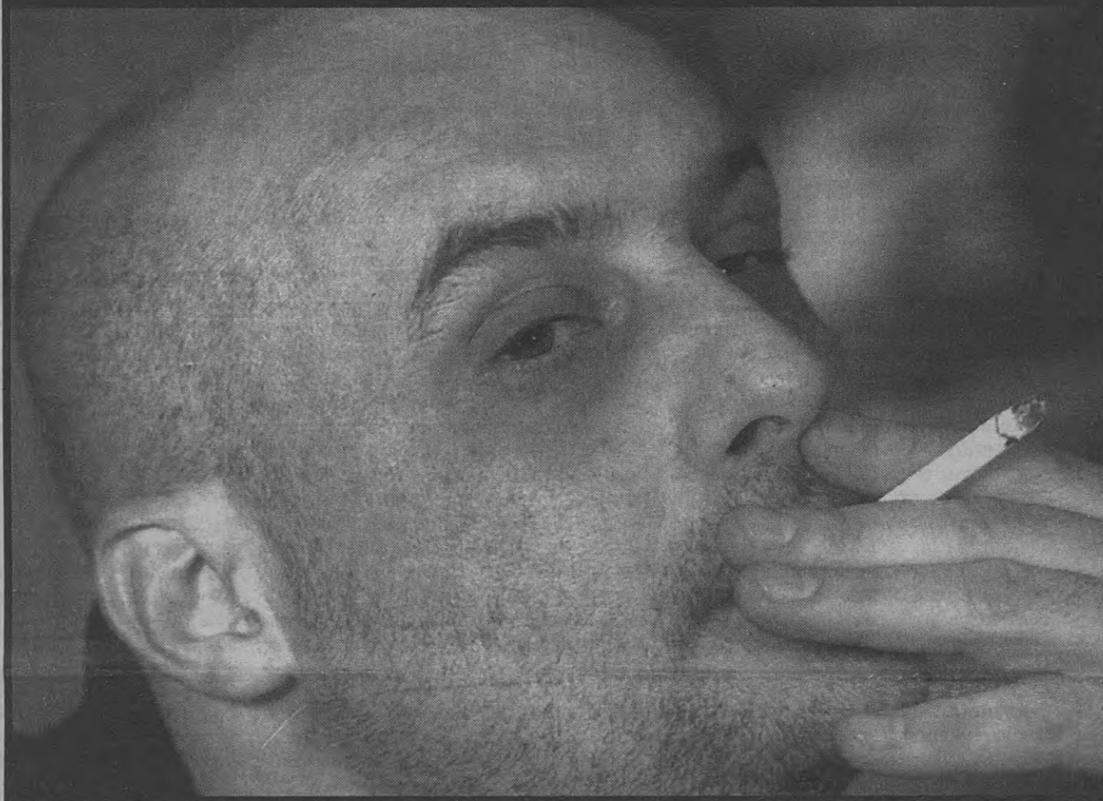
— Но ведь войны без армии не бывает.

Сергей Говорухин:

«Нигде и никогда мне не бывает так комфортно, как на войне»

Галина Смирнова

Сергей Станиславович Говорухин — писатель, режиссер, сценарист, кинодокументалист. Он родился в Казани, поступил в Казанский университет, который стремительно бросил, и ушел служить в армию... В его жизни было многое: война, кровь, пот и боль. Но он не любит говорить об этом. Мы будем говорить о жизни, о творчестве, о любви... Во всяком случае, будем пытаться.

— К сожалению. Лучше было бы, быть может, если бы какие-то лапотники дрались между собой, действуя не по уставу, а включая интеллект прежде всего. Разве можно было вести войну в Чечне теми методами, которыми вели и продолжаем вести ее мы, разгромив все, что можно, покалечив такое количество жизней?.. Я сегодня девушку 20-летнюю возил в Институт Вишневского. Красивая русская девушка. Она жила в Грозном, попала под артобстрел, ноги не чувствует, еле ходит... Вообще не хотелось бы посвящать наше интервью армии, она того, ей-богу, не за-

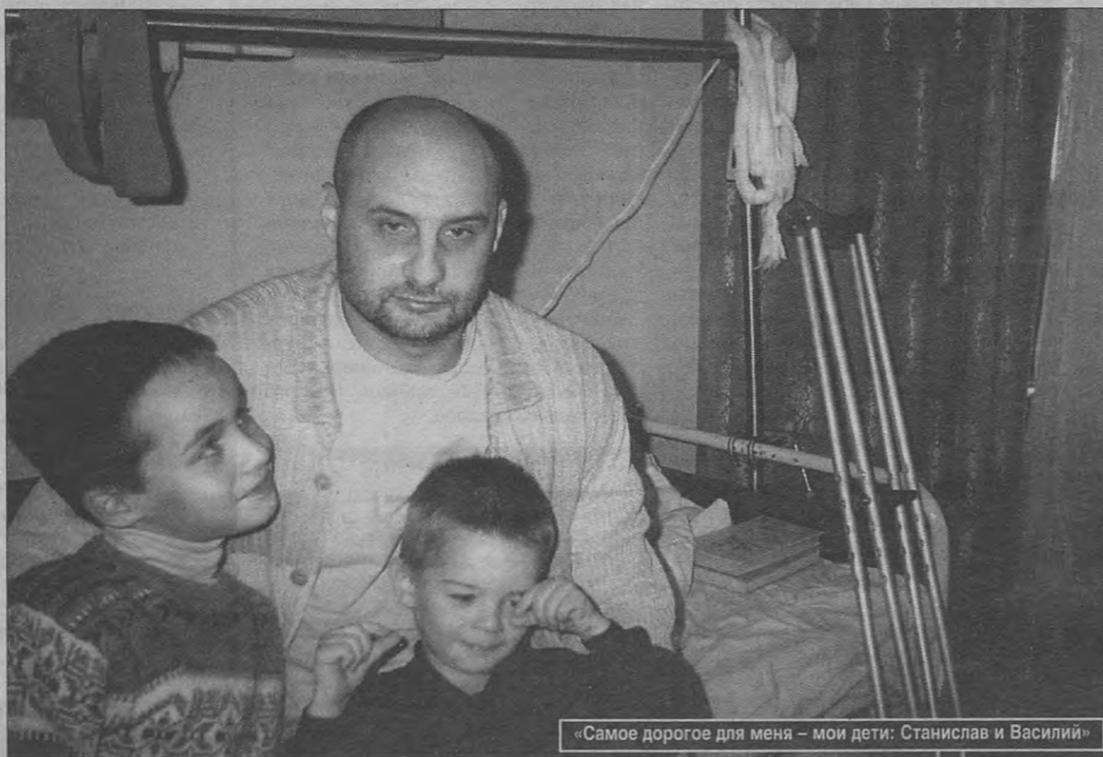
служивает. Некоторые представители армии — действительно достойные люди, они воюют за честь и совесть... Поймите, война — это обыкновенная мужская работа. На войне стреляют раз в месяц, и она создается такой, какой ее видят зрители, только усилием нашего брата-кинематографиста. Там пьют водку, гибнут от неумелого обращения с оружием, вшей на себе дают, а воюют-то крайне редко.

— Значит, можно сказать, что вы исчерпали для себя эту тему?

— Все, что я мог и должен был сказать, я сказал в своем фильме. Больше мне добавить нечего. Он

был снят в 97-м году, и с тех пор ничего не изменилось. В своем втором фильме я уже далеко ушел от этой темы.

— Далеко ли? Кажется, как раз недалеко. Его «Сочинение на уходящую тему» — шемпящий рассказ о стариках-ветеранах, пришедших отметить праздник Победы в Парк Горького. Это молчаливое повествование о том, как мало их осталось, о том, как они потеряны и одиноки среди веселящейся, не очень трезвой молодежи, не замечающей, не осознающей, что рядом с ними, может быть, в последний раз сиротливо собираются ос-

«Самое дорогое для меня — мои дети: Станислав и Василий»

колки нашей истории, уходящей природы. Это фильм о наших пока еще живых дедах и о наших же детях... О бездне, разделившей их.

— Хороших фильмов о Великой Отечественной очень мало. Лучшие сделаны Арановичем, Германом... Они — дети войны. «Двадцать дней без войны», «Проверка на дорогах», «Торпедоносцы»... Все остальное — это клюкка в сахаре. Взять те же «Летят журавли» Калатозова. Поймите, ведь ужас войны в ее обыденности. И умирает человек очень просто. Над ним прутьдесят минут березы не кружатся — все это фокусы Урусевского. Все это неправда. И для меня ровным счетом ничего не значит полученная ими в Каннах «Пальмовая ветвь». Да и сюжет сам по себе неприличен. Есть такая субстанция, как верность. Я не пурианин, но считаю, что человеку, ушедшему на фронт, изменять по меньшей мере неприлично. Может быть, от какой-то женской тоски в 44-м году это и можно было сделать, но не в 41-м.

— Я удивлена настолько, что на секунду теряю дар речи. Мой собеседник только что весьма прозаично разобрал по косточкам и предал порицанию один из безусловных шедевров отечественного кино, но я понимаю, что сейчас я говорю не с Говорухиным-кинорежиссером, а с Говорухиным-фронтовиком. Говорухин и война — у них свои отношения.

— Значит, вы сейчас в разговоре хотите взять и так запросто закрыть тему Афганистана, Таджикистана, Чечни, Югославии — всех тех горячих точек, где вы побывали? Обойти молчанием тринадцать боевых операций, в которых участвовали, шесть боевых наград и ранение, сделавшее вас инвалидом?

— Кстати, как ни смешно, я инвалид труда, потому что я участвовал в военных действиях, не будучи военным служащим. Да, давайте закроем эту тему. Мы говорим, говорим, все равно ничего не меняется. В этой стране война будет бесконечно. Если совершится чудо и закончится война в Чечне, начнется другая.

— О чем же вы хотели бы поговорить?

— Об искусстве, культуре... Я вообще стараюсь на тему войны не говорить, потому что многие все время пытаются эксплуатировать этот мой образ — человека с войны. Я даже книжку свою не могу напечатать, потому что в издательстве от меня ждут бестселлера исключительно на военную тему.

— О чем же ваша книжка?

— О жизни. В основном о жизни без войны... Хорошо было писать книжки и снимать кино в советские времена. Благодаря существовавшему многочисленному табу художник был вынужден все-таки больше вглядываться в самого себя. А сейчас, наоборот, описывается все то, что лежит на поверхности плюс неперемный набор: война, криминал, постель, «экшн». Всю свою жизнь я писал прозу, к войне отношения не имеющую. В 93-м году вышла книга, сборник прозы «Мутный материк». И сейчас я хочу издать новую книгу, но наталкиваюсь на два ответа: либо — «нерентабельно», потому что это написано в традициях классической русской прозы (такие «копания» в себе), либо — они ждут, что я принесу нечто такое («По прозвищу Зверь»). На это я не хочу тратить свое и так бездарно потраченное время жизни.

— Почему бездарно?

— Потому что, если аккумулировать все, что я сделал к 40 годам, получится пшик: два фильма, несколько пьес и пятнадцать-двадцать рассказов.

— Но у вас есть биография, которая тоже является завоеванием.

— Я же не Александр Матросов. Надо, чтобы после твоей смерти